

Л.П. ЕВСТИГНЕЕВА, Р.Н. ЕВСТИГНЕЕВ

Внутренний рынок: макроэкономический аспект*

Имеется обширная литература по вопросам рыночной трансформации, экономического кризиса и перспектив его преодоления. Но не исследовано развитие самого внутреннего рынка как целостности: проблема рынка сплошь и рядом ограничивается микроуровнем. Между тем внутренний рынок не сводится к взаимодействию отдельных предприятий и отраслей, а выступает также в роли одного из компонентов макроуровня. Он представлен товарно-денежными и финансово-денежными оборотами производительного капитала.

Дж.М. Кейнс определял макроэкономику как *денежную экономику* в отличие от микроэкономики, представленной множеством товарных сделок и товарно-денежных оборотов [1, с. 368]. Конструктивной основой денежных оборотов микроуровня являются "активы длительного пользования", способные взять на себя функцию денег [1, с. 369]. Долгосрочные финансовые активы, хотя они и конвертируются в деньги, должны иметь свое особое обеспечение производительным капиталом, который, будучи включенным в общую финансово-денежную систему, участвует в макроэкономическом рыночном равновесии "деньги - капитал - доход".

Прямой и обратный алгоритмы формирования производительного капитала и внутреннего рынка

Очень важно понять, как соотносятся между собой исторический алгоритм развития рынка и логика рыночного реформирования в переходной экономике. Подчеркнем, что речь идет о постсоциалистическом обществе (на примере России), где становление рыночной системы начинается с макроэкономики и где отсутствует капитал в сфере производства.

Если говорить об историческом развитии капиталистического рынка, то в определенной, критической точке повышения удельного веса индустриальных комплексов отраслей (топливно-энергетического, сырьевого и инвестиционного) возникает кризисная ситуация в финансово-денежной сфере. Привязка количества денег к доходу (инвестиционных потоков к сбережениям, а товарно-денежного оборота в сфере текущих товарных сделок к потребляемому доходу) обуславливает появление и нарастание финансово-денежного дефицита. Переход к денежной макроэкономике есть не что иное, как преодоление этого кризиса. Если бы такой переход не был осуществлен,

* Работа подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 98-02-02173).

Е в с т и г н е е в а Людмила Петровна - доктор экономических наук, заведующая лабораторией Международного научно-исследовательского института проблем управления.

Е в с т и г н е е в Рубен Николаевич — доктор экономических наук, руководитель центра Института международных экономических и политических исследований РАН.

внутреннему рынку грозили бы монополизация на базе индустриальных компаний и формирование денежной системы с приоритетом финансовых денег, т.е. перерождение традиционного рынка спроса (рынка потребителей) в рынок предложения (рынок производителей).

Денежная макроэкономика привела к восстановлению рыночной гармонии индустриального и потребительского рынков, не ликвидировав физически избыток отраслей сырьевого, топливно-энергетического и инвестиционного комплексов. Этот избыток был уравновешен механизмом образования доходов сверх роста заработной платы, включением в состав рынка потребителей государства, а также дополнительными иностранными инвестициями. При этом вместо золотого денежного стандарта, на котором зиждется жесткая зависимость количества денег от дохода, стала складываться система специфицированных денежных оборотов, обеспечиваемых финансовым капиталом, производительным капиталом и доходом. Такая экономика становилась открытой. Ее перспективы и конкурентоспособность на внешних рынках зависели от придания базисного статуса инвестиционному комплексу отраслей, который обуславливает повышение наукоемкости и технологического уровня производства.

Мы бы опустили последнее утверждение как банальное, если бы нечто похожее не намечалось в спонтанном развитии, т.е. в формах теневой экономики, российского внутреннего рынка. По расчетам ведущего исследователя данной темы С.Аукуционека, бартер способствует функционированию в первую очередь индустриальных отраслей, при этом он обслуживает процесс монополизации внутреннего рынка. В результате бартерная экономика оказывается подготовленной к тому, чтобы начать формировать инвестиционный спрос (на это указывает и интенсивное наращивание повторного бартера, где его денежная функция средства платежа достаточно прозрачна) в качестве конструктивного основания спонтанного рынка и превращения его в рынок предложения (рынок производителей) [2]. На максимуме своего развития (40-50% от ВВП) этот рынок вовсе не становится самодостаточным, хотя, например, норма монетизации на нем в несколько раз выше, чем в нормализованной экономике [3,4]. Более того, за порогом в 40-50% начинается относительное снижение совокупного дохода от хозяйственной деятельности с использованием бартера. Рынку не достает инвестиций и внешнего (по отношению к внутреннему потреблению своей продукции индустриальными отраслями) инвестиционного спроса. Дальнейшее развитие внутреннего рынка может происходить только при условии его подключения к рыночному макроуровню, который пока не развит. Заметим, что сказанное совсем не означает усиления регулирующих функций государства. Эта проблема не может быть решена ни бюджетным финансированием, ни целенаправленной (канализированной) эмиссией Банка России. Она решается лишь путем дальнейшего углубления реформ, исходя из примата финансового капитала.

Перед российскими реформами стоит та же задача перехода к открытой макроэкономике с адекватными для нее структурными уровнями и рыночным равновесием, которая решалась развитыми капиталистическими экономиками в ходе кризиса начала 30-х годов. В результате этого кризиса, как известно, был сформирован самостоятельный сектор финансового капитала. Получили мощное развитие фондовые рынки, включая рынки корпоративных акций, в рамках которых сфера производства реализовала себя как производительный капитал и тем самым как агрегированный субъект инвестиционной конъюнктуры (предельной эффективности капитала). Динамика и структура дохода занятых в производстве были отделены от заработной платы. Это позволило функционально увязать капитализацию дохода с нормой сбережений и, соответственно, с нормой инвестиций к капиталу (а значит, и с предельной эффективностью капитала). Уровень дохода стал непосредственно влиять на динамику цен и масштаб инфляции. Таким образом, сложилась *денежная экономика* с рыночным равновесием, укорененным в сбалансированных кругооборотах финансового капитала, производительного капитала и дохода.

Если в микроэкономике важнейшим условием равновесия является либерализация

рынка - свободные цены и равенство платежеспособного спроса и предложения (в этих рамках для долговременной перспективы существенную роль играет равенство инвестиций I и сбережений S), то в макроэкономике условия равновесия изменяются.

Прежде всего отметим, что инвестиции I ставятся в функциональную зависимость от количества денег и дополнительной денежной эмиссии D . Макроэкономика в принципе инфляционна. Управление инфляцией является важнейшим фактором экономического роста. Если обратимся к формуле микроэкономического равенства инвестиций и сбережений ($I = S$), то для условий макроэкономики его левая часть может быть преобразована в сумму (в пределе, конечно) $D + I$. Соответственно, сбережения в правой части должны быть дополнены другими компонентами денежного дохода - потребительским доходом d , налогами W , являющимися формой сбережений с точки зрения индивидуальных доходов, или доходом государства. Итак, мы имеем: $D + I = S + W + d$. Отсюда в пределе $D = (S + W + d) - I$. Слагаемые $S + W + d$ являются факторами, определяющими уровень цен. Тем самым возникает "монетаристское" условие рыночного равновесия по Кейнсу. Во-первых, если ожидается рост I , то процент (прирост D) при прочих равных условиях должен уменьшаться. Во-вторых, рост цен способен привести к одновременному росту процента и инвестиций, но если I растет быстрее, чем уровень цен, то процент уменьшается [1, с. 206, 207].

Монетаристское условие рыночного равновесия означает, что при поддержании неизменного количества денег можно увеличить вложения в производство либо за счет роста сбережений, либо за счет увеличения налогов и бюджетного финансирования, либо за счет повышения уровня дохода и оживления потребительских рынков. Между тем рассмотренные соотношения методологически отвергают идею, будто снижение процента является причиной увеличения инвестиций, связь между ними функциональная. Денежное равновесие складывается как следствие гармонизации всех аспектов равновесия на макроуровне.

За этим чисто денежным макроэкономическим равновесием скрывается финансовый аспект. Устойчивым денежное равновесие может быть тогда, когда равенство процентной ставки, предельной эффективности капитала и нормы сбережений в доходе поддерживается равенством величин финансового капитала, производительного капитала и дохода (предполагается, что он включен в процессы капитализации). В этом случае равенство приростов поддерживается равенством базовых величин.

Формула финансового макроэкономического равновесия предполагает не только приведение к единству объемов и скорости разных денежных оборотов, но и балансовую увязку кругооборотов различных функциональных капиталов. В основании каждого из кругооборотов лежит распределение своего функционального капитала: например, можно предположить (и это будет близко к статистической реальности), что распределение финансового капитала (собственности на деньги, или денежной формы собственности), как правило, имеет форму гиперболы, распределение производительного капитала обуславливается его отраслевой структурой (соотношением капиталоемких, трудоемких и нейтральных комплексов отраслей) и носит параболический характер, тогда как распределение дохода (в сумме потребляемой и сберегаемой его частей) стремится к эллипсу. Отсюда - кругооборот представляет собой устойчивую воспроизводственную фигуру, однако в той степени, в какой имеет место система разных распределений, кругообороты немислимы вне своей системы. Конкретно система кругооборотов может быть интерпретирована как глобальная инвестиционная система экономики во главе с финансовым капиталом. Ее сбалансированное состояние определяется гармонизацией указанных выше распределений и графически может быть выражено семейством кривых второго порядка, имеющих общую линию симметрии. За этой абстрактной логикой лежит система структурных уровней экономики и адекватных институтов¹.

¹ Развернутую постановку проблемы читатель найдет в [5].

Что касается теории и практики российских реформ, то роль капитала у нас, в частности связь денежного равновесия (процента, предельной эффективности капитала и нормы сбережений в доходе) с системой функциональных капиталов, просто игнорируется. Государство и общественность фокусируют свои дискуссии на проблемах бюджета, на отношении государства к рынку, на отношении к налогам крупных компаний и т.д. Из поля зрения выпадают системообразующая роль финансового капитала и алгоритм рыночной трансформации как процесс становления системы национального капитала. Но с проблемой системы национального капитала одинаково связаны и финансово-денежная стабильность, и выход из экономического кризиса. И не просто связаны: система национального капитала должна стать, по нашему мнению, отправной точкой понимания ситуации и выработки программы реформирования на перспективу.

Говоря об устойчивости финансового аспекта денежного равновесия на макроуровне, нужно иметь в виду систему национального капитала в ее конкретном воплощении, а именно, глобальную денежную инвестиционную систему - ее структуры, ее институты, т.е. так называемый финансовый контур экономики. Его институциональное содержание Х. Минский, организовавший кейнсианскую финансовую школу и возглавлявший ее в течение тридцати лет, видел в системе банков, которую он называл Большим банком, в отличие от текущих денежных оборотов - денежного контура во главе с Большим правительством [6]. Нам представляется более точным говорить о глобальной денежной инвестиционной системе и о необходимости создания ее Центрального банка капитала, тогда как текущая хозяйственная деятельность - денежный контур экономики - должна обслуживаться Центральным национальным банком, независимым от государства. Другое дело - система Центрального сберегательного банка. Она наиболее тесно связана с бюджетно-денежной системой страны и может рассматриваться как специфический блок денежного контура экономики, находящийся под эгидой государства (в этом случае можно использовать термин Минского о Большом правительстве).

Условием перехода от денежного контура к финансовому является устойчивость внутренней валюты. Однако этого недостаточно. Другой важный момент - обеспечение полной внутренней и внешней конвертируемости национальной валюты, включая и конвертируемость финансовых активов в деньги, и свободу конвертируемости для всех юридических и физических лиц по всем видам финансово-денежных операций. Для российской переходной экономики это означает необходимость полной внутренней конвертируемости рублей в доллары, финансовых активов в деньги, включение в режим полной внутренней конвертируемости всех финансово-денежных операций для всех юридических и физических лиц. Наконец, необходимо формирование олигопольной структуры финансово-денежной системы на основе трех центральных эмиссионных банков - Центрального банка капитала во главе инвестиционных институтов, банка текущего денежного оборота (Центрального национального банка) во главе системы универсальных коммерческих банков, банка дохода (Центрального сберегательного банка) во главе системы сберегательных банков, тесно связанного с рыночным обслуживанием бюджета и государственного долга. На этой институциональной основе может быть сформирован специфицированный денежный оборот, включающий метаморфозу "капитальные деньги (обеспеченные финансовым капиталом) - товарные деньги (обеспеченные производительным капиталом) - доходные деньги (обеспеченные гарантиями государства и его золотовалютными резервами)".

Вышеназванные условия, связывающие денежный и финансовый контуры экономики, в действительности не так сильно выражены, как мы об этом пишем. Мы специально подчеркиваем это, чтобы выявить структурный характер того макроэкономического пространства, в котором должен складываться производительный капитал в российской экономике, исходя из примата финансового капитала. Отметим важный момент для российской экономики. Если в рамках развитой капиталистической экономики обособление финансового контура и спецификация денежных оборотов

представляют собой завершающий аккорд становления структур и институтов макроэкономики, то в российской переходной экономике, наоборот, *спецификация денежных оборотов служит механизмом формирования капитала*.

Проблема рыночной трансформации социалистического производительного потенциала, в частности основных производственных фондов (ОПФ) промышленности, в производительный капитал имеет два институциональных канала приватизации. Один из них не только освоен, но и гипертрофирован. Это - *приватизация имущества*. На данном пути получение инвестиционных ресурсов опосредовано и тем самым усложнено образованием институтов получения и использования частных доходов, включая их частичную капитализацию, причем с отчетливым преобладанием целей последующего обращения в доллары.

Второй, пока не востребованный канал - это *формирование системы оборотов Банка капитала в сфере производства* (БКСП), который способен развернуть операции номинального акционирования с одновременным развитием массового рынка корпоративных акций, а также залогового инвестиционного кредитования как в производство, так и для покупки акций. Кстати, если учесть, что в собственности государства имеется почти 5000 контрольных пакетов акций [7], оно могло бы выступить инициатором создания этого нового банковского института на паях. Можно сформулировать простую мысль: проблему экономического подъема нужно решать не как преодоление недостатка денежных средств в сфере производства, покрывая дефицит дополнительной эмиссией ЦБ, а как проблему формирования института своих для производительного капитала денег. Образно можно сказать, что ОПФ - это в потенции новые деньги, денежная форма собственности на предприятия, которая, однако, не может обнаружить себя в состоянии покоя, а только в форме комплекса оборотов БКСП.

Более века назад Россия уже имела первый опыт создания институтов залогового кредитования - Санкт-Петербургское кредитное общество, основанное в 1861 году [8]. Были сформированы две линии защиты операций: во-первых, общая ответственность уставным капиталом, во-вторых, массовый характер залоговых операций, а значит, и залогов. По-видимому, БКСП должен иметь и третью линию, связанную с тем, что залогом в нем выступает не недвижимость, а собственность на предприятия и его ОПФ, а кредиты носят инвестиционный долговременный характер. Третья линия защиты - массовый рынок корпоративных акций (и в такой форме осуществление приватизации путем трансформации номинальных акций в действительные).

Пожалуй, в этой связи нам ближе американский опыт 1970-1980-х годов по формированию кредитных оборотов при поддержке акционерного капитала, проанализированный Дж. Соросом [9]. Он отмечает, что массовый рынок корпоративных акций давал средства для погашения кредитов и выкупа залогов и при этом разогревал процесс перераспределения собственности. Любопытны стартовые условия развития американских фондовых рынков в этом направлении: доход по акциям занижен, процентные ставки относительно высоки, валютные котировки завышены. Почему же ситуация экономического спада оказалась благоприятной? Потому что она побуждала использовать капитальные деньги - деньги, гарантируемые собственностью. У этих денег есть одна особенность, которую тоже отмечает Сорос. Метаморфоза "собственность - акции - залогом - инвестиционные кредиты" обладает тенденцией к смене спекулятивного тренда равновесным. Тем самым количество кредитных капитальных денег практически регулируется цикличностью предельной эффективности капитала.

Мы говорим об этом так подробно для того, чтобы развеять распространенное заблуждение и доказать, что если обратная последовательность становления производительного капитала и внутреннего рынка узловым своим моментом имеет спецификацию денежных оборотов, то это - проблема банковских институтов, финансово-денежных структур, а не государственной бюджетной опеки предприятий.

Обратная последовательность образования производительного капитала имеет свои особенности и трудности. Одна из них связана с тем, что спецификация денежных

оборотов невозможна без трансформации социалистического бюджетно-денежного оборота. Первым естественным шагом здесь является прекращение бюджетного финансирования предприятий. Но тогда начинает образовываться разорванная структура рынков. Для сырьевых и топливно-энергетических отраслей - модель открытого рынка с рублево-долларовыми оборотами. Для потребительских отраслей — очень слабый внутренний рынок с перспективой либо превратиться в сектор патриархальной экономики, либо быть включенным в рублево-долларовый оборот в качестве рыночной периферии первого рынка. Для инвестиционных отраслей - модель кризисного рынка, в перспективе перелив ресурсов капитала и труда в теневую экономику. О потенциале этих трех рынков можно судить по распределению крупных товаропроизводителей: 30% - 0,3% - 70% [10]. Оно одновременно свидетельствует и о распределении между этими тремя рынками производительного потенциала, о его стартовом состоянии перед началом реформирования. С этим связана еще одна трудность. Огромный массив инвестиционных отраслей, куда входит и ВПК, опирался на внутренний спрос, финансируемый государством. Это означало формирование неэффективной структуры и скрытой инфляции затратного типа, причем тенденция к падению эффективности поддерживалась общей структурой отраслей, ориентированной на трендовый характер индустриализации.

В условиях, когда инвестиционный комплекс оказался оторванным от бюджетного финансирования, он начал формировать спонтанный рынок, втягивая в него все отраслевые комплексы, насколько это возможно в режиме кризисного развития. Спонтанные инициативы должны были нести в себе отрицание сверхиндустриальной отраслевой структуры, блокировавшей становление рынка. Это обстоятельство и вылилось в спонтанное формирование "параллельного" производства с "параллельной" денежной системой или, что то же, в теневую экономику.

Отметим очень интересное явление. Распад рынков, о чем речь шла выше, не ограничился сферой производства. В той мере, в какой он охватывал разрушение бюджетно-денежной системы, каждый из трех вышеназванных рынков включал определенное взаимодействие микро- и макроуровней. Это в равной степени относится и к бюджетно-денежным отношениям государства. В результате была сформирована первичная рыночная структура: теневой рынок традиционных отраслей; рыночный сектор финансового капитала; сектор мелкого и среднего бизнеса; государство как относительно автономная сфера бюджетно-денежных отношений. Если углубиться в анализ этой четырехсекторной рыночной структуры, мы найдем там и свои механизмы инвестирования, и свои специфицированные денежные обороты, т.е. перед нами раскроется панорама первичной рыночной финансовой структуры.

Переход от нее к нормальной рыночной экономике опирается на преодоление первичной спецификации, тем самым - на переход от финансового контура к денежному через посредство механизмов полной внутренней конвертируемости. Формирование новых, последовательно рыночных специфицированных оборотов одновременно предполагает развитие системного единства структурных уровней макроэкономики (финансового, денежного, рыночного равновесия, внутреннего рынка) и микроэкономики. Первый шаг к системному единству - образование институтов производительного капитала, но не как институтов собственно микроэкономики, а как специфической сферы финансового капитала, обеспечивающей развертывание рыночного равновесия по Кейнсу и формирующей стратегические предпосылки развития микроэкономики на рыночных принципах. Это составит второй шаг реформирования - реформирование собственно микроэкономики и, таким образом, завершение обратной последовательности становления рыночной экономики.

Структурные связи макро- и микроуровней в переходной экономике как предпосылка развития внутреннего рынка

Агрегированное рыночное равновесие по Кейнсу играет роль границы, с которой начинается становление системы рыночных уровней, структур и институтов. В силу

его финансово-денежной природы и при том, что в нем рыночные связи агрегированы, макроэкономическое рыночное равновесие обладает высоким центростремительным потенциалом. Этим оно отличается от первичной рыночной четырехсекторной структуры, где преобладали центробежные силы, выражением которых стала тенденция к монополизации внутри каждого рынка и к экспансии в пространство других рынков. Выход на указанную границу раскрывает перед обществом потенциально присущие кейнсианскому равновесию варианты развития в виде различных моделей экономического роста, характеризующихся особым соединением финансовых, денежных, производственных, социальных факторов развития. Реализация той или иной возможной модели находится под влиянием свойственных первичной структуре рынков попыток монополизировать экономику в целом в пользу одного (каждого) из первичных рынков.

Важно отметить, что макроэкономика позволяет образовать модель экономического роста как совокупность его условий и институтов, исходя из приоритета того или иного структурного компонента агрегированного макроэкономического равновесия. Так, финансовый капитал стремится захватить в свою орбиту экспортные отрасли (сырьевой, топливно-энергетический комплекс). Складывается экспортно-ориентированная модель экономического роста. Ее не следует путать с ориентацией на внешний рынок или с устойчивым трендом к расширению внешнеторговых и финансовых связей. Тем более ее не следует противопоставлять рынку с социальной ориентацией. Экономически развитые государства (США, Великобритания, Германия, Франция, Швеция и др.) имеют самую высокую долю экспорта в ВВП и также самую высокую долю государственного потребления в ВВП [11, с. 67; 12, с. 257, 258, 260]. Мы здесь говорим о возможностях одностороннего развития на базе монопольной позиции финансового капитала.

Вместе с тем для стран с догоняющей индустриализацией (Аргентина, Мексика, Индия и др.) характерна импортно-замещающая модель развития. Как верно указывает Е. Гайдар, эта модель не может утвердиться в качестве долговременной, так как имеет предел - 5-10% экспорта в ВВП, ниже которого она превращается в контрфактор развития [11, с. 67, 69-71]. В то же время импортно-замещающую модель развития можно рассматривать как теоретическую возможность, складывающуюся на уровне макроэкономики в противоположность вариантам, вытекающим из монополизации финансового капитала. Финансовым основанием такой модели становится доход и его капитализация. Ее материальным базисом являются отрасли трудоемкого комплекса, а социальной опорой - средний класс, имеющий сильную поддержку со стороны государства.

Производительный капитал, взятый в качестве компонента рыночного равновесия по Кейнсу, способен создать модель экономического роста с регулируемой инфляцией. Она ориентирована на отрасли инвестиционного комплекса, от отраслевого состава и условий развития которого зависят уровень капиталоемкости ВВП и соотношение уровня капиталоемкости и уровня инфляции. Возможности развития инфляционной управляемой модели существенно различаются в зависимости от того, какую позицию - монопольную или, напротив, системную - занимает производительный капитал.

В первом случае это в перспективе модель с экономической монополией государства и социалистическим устройством общества. Когда же производительный капитал формирует свою финансово-денежную структуру и адекватные институты в рамках базисной, системообразующей функции финансового капитала, складывается модель эффективного равновесного экономического роста. При этом равновесие оказывается стабильным, а экономический рост - наиболее устойчивым, если показатели уровня инфляции в максимальной степени определяются условиями формирования цикличности нейтрального типа экономического роста. Чтобы это было так, на уровне отраслевой структуры производительного капитала, с одной стороны, должны сложиться достаточно полно три комплекса отраслей: капиталоемкий (сырьевой, топливно-энергетический комплекс), нейтральный (инвестиционный комплекс), трудоемкий

(потребительский комплекс). С другой стороны, должен закрепиться примат инвестиционного комплекса, практически определяющего уровень капитального коэффициента ВВП и соответствующее состояние рыночного равновесия.

Итак, в пределе рыночное равновесие по Кейнсу помимо финансово-денежной стабильности и полной внутренней конвертируемости включает стремление экономики к модели экономического роста с малой управляемой инфляцией и к преобладанию тенденций к нейтральному типу экономического роста. Стабильный равновесный экономический рост не может не быть циклическим. Не углубляясь в эту тему, отметим лишь, что речь должна идти о предельной цикличности, обеспечивающей тенденцию капитального коэффициента к единице (к выравниванию темпов роста капитала и дохода) и устойчивость нормы сбережений в доходе.

На фоне этих рассуждений отчетливо вырисовывается специфическая для России ситуация, связанная с необходимостью преодоления социалистического отраслевого структурного наследия в виде гипертрофированного удельного веса инвестиционного комплекса. Если не преодолеть этот барьер, рыночное выравнивание спроса и предложения может быть только инфляционным с перспективой гиперинфляции.

Правда, кризис дал свое парадоксальное решение: спад промышленного производства - 50%, машиностроения - 60%, отраслей высокой технологии - 90% [13, 14]. Спад означает дефицит спроса, что подчиняет производство рыночному равновесию спроса и предложения. Бартерный обмен тоже по-своему решает проблему, абстрагируя хозяйственные связи от критериев эффективности. Наконец, неразвитость системы национального капитала уводит экономику от проблем эффективности капитала, как бы парализуя стратегический аспект развития. При этом основным регулятором экономического роста становится валютный курс рубля, а общей мерой развития - максимизация частных доходов и доходов государства.

Позитивный вариант оптимизации пропорций между тремя комплексами - капиталоемким (сырьевым, топливно-энергетическим), нейтральным (инвестиционным), трудоемким (потребительским) - существует теоретически и назрел практически. Его составляют три компонента. Первый: нужно сохранить сложившиеся рыночные связи теневой экономики, что требует ее нормализации как за счет политики низких налогов, так и за счет ее включения в поток рублево-долларового оборота БКСП. Второй: необходимо создать предпосылки инвестиционного бума не столько путем вовлечения в производство иностранных финансовых ресурсов, хотя и это важно, сколько в результате формирования системы капитальных денег на базе БКСП (залоговое кредитование, массовый рынок корпоративных акций, превращение приватизации в составляющую системы оборотов БКСП). Третий: очень важно создать крупномасштабный сектор малого и среднего бизнеса как рыночное поле для оттока избытка труда и как экономический и социальный базис для обеспечения высокой динамики доходов, ожидая от этого повышение рыночного спроса и рост банковских вкладов физических лиц. Все три компонента имеют финансово-денежную природу, что выражает суть проблемы - формирование производительного капитала в пространстве агрегированного рыночного равновесия по Кейнсу.

Обратная последовательность формирования производительного капитала обуславливает незавершенность рыночного становления в пределах каждого из этапов реформирования, а также кризисный характер качественных переходов. Поэтому точнее говорить об *объективной природе затянувшегося кризиса, нежели о том, что экономические процессы производны от политики.*

Так, после кризиса 1989-1991 годов был сформирован финансовый капитал, но не во всех своих функциях, структурах и формах, которые вытекают из базисной роли финансового капитала в сложной многоуровневой рыночной экономике. С одной стороны, бюджетно-денежная система качественно усложнилась, но с другой - остались в целостности ее основные свойства и основные институты. Импульс развития поступал от связей российского финансового капитала и мирового капитала. Вместе с тем финансовый капитал не был укоренен в производстве, его возможности ограничивались фор-

мированием модели экспортно-ориентированной экономики. Добываемой таким способом валюты не хватало для инвестиционного насыщения внутреннего рынка, а финансово-денежная неразвитость последнего обуславливала его невосприимчивость к инвестициям. Это выливалось в огромные потери по ходу движения денег в виде коррупции и т.п.

Инвестиционный голод в сфере производства породил финансово-денежный кризис 1994 года. Его разрешение было связано с активизацией роли государства как денежного субъекта: были созданы рынки государственного внутреннего долга, частично расширены фондовые рынки за счет денежной приватизации крупной государственной собственности, при этом государство взяло на себя в определенной мере финансирование производства. Чисто теоретический тезис о том, что внутри рыночного равновесия по Кейнсу активность государства материально зиждется на доходе, что государство пытается формировать его кругооборот, предстает практически в этот период (1994-1998) в виде попыток развить сектор мелкого и среднего бизнеса и на этой материальной и социальной базе выйти из экономического спада. Так, экспортно-ориентированная модель дополнилась конкуренцией импортно-замещающего экономического роста. Однако шансы у второй модели были очень невелики, и она не могла быть реализована как из-за малочисленности среднего класса, являющегося ее социальной базой, так и из-за чрезвычайно низкого уровня потребительских доходов, сложившегося ввиду негативного давления бюджетного дефицита. При том что у данной модели очень низкие позитивные перспективы, она могла быть к тому же очень легко трансформирована в свой негативный вариант - мобилизационную модель, чреватую перерождением в модернизированную социалистическую плановую экономику.

Кризис 1998 года показывает, что государство больше не имеет перспектив сохранять свое лидерство в экономике, в том числе в денежной и финансовой сферах, так как страна переживает системный инвестиционный кризис. Выход из него состоит в формировании *глобальной инвестиционной денежной системы во главе с финансовым капиталом*. Политический занавес, однако, мешает увидеть подлинную экономическую пьесу, которая разыгрывается на подиуме экономического кризиса. Если политический компромисс достигнут на слове "регулировать", то экономическое равновесие (речь идет о формировании функциональных капиталов и институциональных субъектов в пространстве макроэкономического рыночного равновесия по Кейнсу) нуждается в усилении роли финансового капитала и в ослаблении позиций государства в сфере производства. Мы имеем в виду позиции инвестора, тогда как государство должно усиливать свои функции ведущего социального субъекта, стоящего во главе институциональной системы общества и экономики.

Системная рыночная трансформация и либеральная идеология реформ

Системный аспект реформирования, предполагающий воспроизводственное видение проблем развития, совсем не означает отказа от либеральной идеологии. Он даже не означает отступления от нее. Рынок свободной конкуренции представляет собой экономическую метафору либерализма, хотя и принципиально важную, выражающую существенное социальное свойство рынка — наращивание адекватных механизмов повышения степени массовой субъектности. Либеральное общество — это общество массовых собственников.

В сложной рыночной системе, о которой говорилось выше, невозможно политическое насилие над рынком. Разветвленная структура единичных и агрегированных экономических субъектов побуждает к партнерству и к, скажем так, внутренней конвергенции государства и экономики. Либерализация вовсе не ослабляет позиции государства, она направляет его развитие в сторону социального лидерства и мобилизации институциональных факторов развития общества. С точки зрения развития либе-

ральной идеологии в указанном аспекте можно говорить о *конструктивном либерализме*. На наш взгляд, он должен стать ключевым понятием нового этапа реформирования, так же как в 1980-е годы объединяющим прогрессивные силы общества стало понятие политического либерализма, а в 1990-е - экономического либерализма. Стоящие перед страной задачи системных реформ требуют конструктивного, а значит, системного толкования либерализма.

Во-первых, конструктивный либерализм так же, как и классический, предполагает ориентацию на массовую частную собственность, но в отличие от него не как на базис отношения человека к государству (гражданское общество), а как на условие экономической самостоятельности индивида, возможности экономического выбора на уровне индивида. Во-вторых, несколько меняется трактовка конкурентного рынка. Речь уже не идет о его самодостаточности. Развитие экономики как сложной многоуровневой системы на принципах самоорганизации включает в себя также активные функции государства. Однако конкуренция служит при этом важнейшим механизмом реализации массовых хозяйственных инициатив и экономического выбора на уровне индивидуального или коллективного хозяйственного субъекта, поэтому она должна охраняться государством. В-третьих, в условиях конструктивного либерализма экономика и социально-политическая сфера дистанцируются друг от друга, но не как области вещной формы объективной необходимости и субъективной формы целевого развития. Они разделены на уровне разных типов субъективных структур, что обуславливает развитие партнерства и внутренней конвергенции экономики и государства. На стороне экономики складывается централизованная денежная инвестиционная система во главе с финансовым капиталом, на стороне государства - многоуровневая институциональная система во главе с государством.

Как следует из сказанного выше, экономический рост является функцией становления производительного капитала и внутреннего рынка в рамках дальнейшего системного развития финансового капитала. В этой связи задачей государства является институциональная поддержка формирования инвестиционной денежной системы страны во главе с финансовым капиталом. И прежде всего - институциональная поддержка формирования финансовой системы, включая банковские структуры и институты сферы производства, а вовсе не возвращение к политике патернализма, даже если имеется в виду выборочная бюджетная поддержка отдельных производств. Пока окончательно не ликвидирована социалистическая бюджетно-денежная система, обращение к бюджетному финансированию как к механизму выхода из кризиса ведет к восстановлению ее в полном объеме.

Полезно вспомнить предшествующее реформам десятилетие. Государство пыталось решать проблему инвестиционного дефицита и начавшего уже тогда быстро нарастать общего бюджетного дефицита посредством развития рыночных отношений в сфере общественного производства. Мы имеем в виду попытки ввести в хозяйственную систему самофинансирование предприятий. Практически речь шла тогда о переходе к модели рыночного социализма. Не получилось. Рыночные реформы 1990-х годов начались с приватизации, но не только. Были осуществлены серьезные преобразования макроуровня. Бюджет был дополнен финансовым капиталом, внутренним государственным долгом, системой внебюджетных государственных фондов, время от времени возникала идея дополнить бюджет бюджетом развития. Вместе с тем российская экономика переживает кризис за кризисом.

Посмотрим внимательно, в какую системную среду была спущена установка о самофинансировании. Во-первых, к тому времени был накоплен критический удельный вес индустриальных отраслей, который, с одной стороны, не вписывался в рыночный межотраслевой баланс спроса и предложения, а с другой - обуславливал высокую норму внутреннего потребления произведенной продукции внутри топливно-энергетического, сырьевого и инвестиционного комплексов. Последнее побуждало к увеличению уровня затрат и порождало импульсы к затратной инфляции. Во-вторых, денежная система имела природу бюджетно-денежного оборота. Благодаря ему прибыль распре-

делялась пропорционально ОПФ, т.е. в пользу индустриальных отраслей и крупных предприятий, которые, конечно, были основными плательщиками в бюджет, но и основными получателями бюджетного финансирования. Пропорционально ОПФ распределялись фонд оплаты труда и социальное финансирование.

Теперь обратимся к панораме рыночных преобразований 1990-х годов. С одной стороны, была проведена массовая приватизация, что позволило сложиться вполне определенному распределению (в виде гиперболы) капитала и дохода. Таким образом был введен в экономику импульс системных рыночных преобразований, о которых говорилось выше. С другой стороны, государство все время стремилось навязать экономике свой приоритет как инвестора. Можно говорить о второй, после 1980-х годов, исторической попытке адаптировать социализм к рынку в форме рыночного социализма, но теперь с элементами рыночной организации финансово-денежной системы на макроуровне.

Осуществление системных реформ не может опираться на стихийные механизмы рынка, но точно такое же заблуждение, что дальнейшее развитие и освоение режима экономического роста может быть производным от усиления роли государства в экономике, понимаемого в духе классического стихийного рынка и классического противоборства государства и рынка. Их новое соотношение, адекватное сложной многоуровневой рыночной системе, на наш взгляд, наиболее адекватно может быть выражено на языке конструктивного либерализма.

Взглянем под этим углом зрения на противостояние двух массовых идеологий рыночной трансформации. Мы имеем в виду так называемые "Вашингтонский консенсус" и "пост-Вашингтонский консенсус"².

"Вашингтонский консенсус" - массовая приватизация плюс финансово-денежная стабильность плюс дерегулирование - очень точно отражает особенности классического капитализма: микроэкономика, рынок как самодостаточная система товарно-денежных оборотов, возможность непосредственного воздействия на рынок со стороны государства, ограниченного условиями рыночной самодостаточности. Из этой формулы однозначно следует, что переход от политизированной экономики к рыночной предполагает отрыв предприятий от бюджетного финансирования, иначе дать старт рыночным преобразованиям невозможно. На это как раз и нацелены приватизация и дерегулирование. Последняя компонента формулы - финансово-денежная стабильность - стимулирует развитие рынка как системы товарно-денежных оборотов, т.е. микроэкономики.

Мы убеждены, что указанная формула абсолютно верна как стартовая программа реформ. Вместе с тем она не может служить теоретическим основанием для системного углубления рыночной трансформации. Дело не в том, будто недооценивается роль государства, а в том, что на определенном этапе эта роль переоценивается: государство — гарант внешнеэкономических заимствований - начинает подменять собой финансовый капитал, тогда как именно он, а не государство, должен стать системоформирующим базисом рыночной трансформации. Если говорить еще конкретнее, то МВФ и Всемирный банк поддерживают игры экономики вокруг бюджета, а также стимулируют бюрократизацию трансформационных процессов. Например, недавние предложения указанных институтов по структуризации российской банковской системы, которые полезны, хотя и не полны, вызывают возражения в части их институциональной проработки. Предлагается дополнительная государственная структура - специальный центр по реабилитации банков вне связи с Центральным банком и Минис-

² Так называемый Вашингтонский консенсус - своего рода рекомендации по проведению экономической политики, выработанные МВФ, Всемирным банком и Министерством финансов США, - возник в 1980-е годы как реакция на структурный кризис в странах Латинской Америки. Эти рекомендации, включавшие либерализацию внутренней и внешней торговли, рыночное ценообразование, приватизацию и макроэкономическую стабилизацию, в 1990-е годы были применены в постсоциалистических странах. В новых условиях складывается "пост-Вашингтонский консенсус", требующий переноса центра тяжести на создание и поддержание с помощью государства надежной финансовой системы и других важнейших рыночных институтов.

терством финансов, который будет иметь право "продавать банки и акции банков, инициировать банкротство и ликвидацию банков" [15].

"Пост-Вашингтонский консенсус" утверждает необходимость активного участия государства на всех этапах становления рынка. Дж. Стиглиц, автор этой формулы, критикует "Вашингтонский консенсус" за недооценку институционального аспекта развития, который предполагает стимулирующие, организующие и контролирующие действия государства в экономике, при том что государство в современных условиях способно использовать рыночные рычаги и опираться на сопричастность граждан проводимой экономической политике [16, с. 18, 30]. Самое интересное в постановке Стиглица заключается в том, что он говорит не о необходимости дополнения государственным регулированием рыночных, конкурентных механизмов, а о том, что необходимо государственное регулирование в целях создания конкуренции и ее поддержания. В этой связи он критикует "Вашингтонский консенсус" по двум пунктам: во-первых, за недооценку финансовых структур микроэкономики, во-вторых, за предпосылку об автоматическом разрывании конкурентного рынка из частной собственности. Стиглиц утверждает, что "опыт Китая и Российской Федерации наиболее ярко демонстрирует, что конкуренция более важна для успешного экономического развития, чем форма собственности" [16, с. 24].

По нашему мнению, он прав и не прав одновременно. Прав в том, что формулы рыночной трансформации должны отражать опыт в широкой панораме, а не только, например, механизмы и этапы развития латиноамериканских стран (например восточно-азиатские страны использовали другие алгоритмы подъема экономики). Не прав же Стиглиц в том, что разнообразие моделей рыночной трансформации он трактует как разнообразие вариантов в плане возможностей выбора. С точки зрения выбора вторая формула недостаточно четко соотносена с уровнем развития экономики. Это делает ее неопределенной. Другой момент, обуславливающий неопределенность состоит в том, что эта формула содержит теоретическую попытку объединить опыт социализма, развивающихся стран и капиталистических стран высокого уровня развития. Продуктивна ли такая попытка?

Исходя из опыта азиатских стран, замена первой формулы второй имеет целью отразить существование альтернативной формы ускоренного развития экономики по пути создания монополизированного рынка с участием государства. Собственно, аргументы Стиглица хорошо ложатся именно на эту ситуацию.

Что касается опыта высокоразвитых капиталистических экономик, то годится ли в данном случае та же формула? С одной стороны, в макроэкономике трансформационный рыночный потенциал частной собственности зависит от ее системной позиции, прежде всего от ее распределения. В этой связи конкуренция становится действительно объектом государственного регулирования, но, добавим, институционального. Любопытно, что автора второй формулы заботит в первую очередь конкуренция на финансовых рынках - наряду с поддержанием безопасности и надежности рынков, защитой потребителей, демократизацией рынков [16, с. 17]. Приоритетность финансово-денежных рынков есть существенное свойство макроэкономики. С другой стороны, с логикой рынка, в том числе и для макроэкономики, не согласуется принятое Стиглицем противопоставление частной собственности и конкуренции, например тезис: "Китай расширил сферу конкуренции без приватизации государственных предприятий" [16, с. 24].

Если мыслить в этом ряду о социалистическом государстве и его отношении к экономике, то нужно отличать вариант классического социализма (российский вариант) от других, неклассических, например от рыночного социализма (в том числе его китайского варианта). Классический социализм использует в качестве универсальной модель индустриализации, в рамках которой действует примат индустриальных отраслей и формируется бюджетно-денежная система. Тем самым имеет место специфическая форма рынка предложения (производителей). Универсальность этого типа рынка предполагает тенденцию к наращиванию участия государства в экономике (в виде цент-

рализованного планового управления и вытеснения рыночного спроса спросом государства) и формирование институтов милитаризации как экономики, так и общества. Поэтому применительно к классическому социализму можно говорить исключительно о квазирынке.

Между тем китайские реформы включают усиление роли рынка в сфере производства, а не его становление с нуля. Рыночные дополнения к государственному сектору в Китае были настолько велики, что реформы начались при условии «трех "не"». *Не* было единой бюджетно-денежной системы. *Не* было развито в достаточной степени промышленное ядро экономики, чтобы могла существовать приоритетная позиция рынка предложения (производителей). Повышение технологического и научного уровня экономики *не* было однозначно поставлено в рамки развития ВПК. Китайская экономика всегда имела избыток труда по отношению к индустриальному типу развития. Давление экстенсивных факторов развития обуславливало высокую степень ее регионализации, со своей стороны поддерживающую до сих пор модель рыночного социализма, в пространство которого погружены рыночные реформы.

Итак, есть огромная разница между социалистической экстенсивной моделью функционирования индустриально развитой экономики (российский вариант) и собственно экстенсивной социалистической экономикой, в которой ресурсы труда формируются автономно от динамики и структуры производственного капитала в связи с постоянными высокими приростами населения (китайский вариант). Так, в России за 1985-1995 годы население увеличилось на 3,4%, тогда как экономически активное население несколько уменьшилось, а городское население возросло на 5,2%. В Китае другая картина: положительные приросты составили соответственно 14,5%, 19,1%, 40,2% [12, с. 21, 145, 37]. Экстенсивная природа китайской экономики наглядна, но как она проявляется в рыночном реформировании?

При том что доля частного потребления в ВВП в России и Китае близки (41,3% в России и 46,0% в Китае), в России удельный вес государственного потребления на 12,4% выше, нежели в Китае (соответственно 23,3% и 10,7%). Это обстоятельство и обусловило значительно более низкую норму инвестиций в ВВП в России по сравнению с Китаем (28,1% и 40,8%) [12, с. 257, 293, 329]. О чем свидетельствует тот факт, что большей доле государственного потребления противостоит меньшая норма инвестирования? О том, что в китайской экономике частный сектор более активен в производственном инвестировании по сравнению с государственным, тогда как в России индустриальный государственный блок отраслей был основным производителем инвестиций, и его ослабление резко понижает общую норму инвестиций к ВВП. Российская экономика не в состоянии пойти по пути количественного наращивания объемов частного сектора, пока не будет разрешен сложившийся узел проблем рыночной трансформации промышленного индустриального ядра.

Поэтому, на наш взгляд, вторая формула ("пост-Вашингтонский консенсус") излишне эклектична, так как она объединяет принципиально разные типы опыта. Ее позитивная роль в становлении идеологии системного реформирования связана с акцентированием институциональной компоненты развития и с утверждением о необходимости вовлечения государства в рыночную трансформацию именно в этом плане. Вместе с тем здесь имеет место эклектика, так как предполагается, что государство направляет свою институциональную инициативу на экономику как на объективную структуру, игнорируя присущую ей систему субъектов.

* * *

Подведем итог. Узловой проблемой углубления реформ и выхода из кризиса является формирование производительного капитала. Практически нужны всего четыре вещи. Первое - Банк капитала сферы производства, второе - полная внутренняя конвертируемость, третье - приоритет институционального, а не инвестиционного участия государства в экономике, четвертое - политика поощрения мелкого и среднего бизнеса

в сочетании с политикой повышения доходов (в сумме потребляемого дохода и сбережений). Между тем осознание предложенной позиции требует очень серьезных концептуальных размышлений. Мы рассматриваем свою статью как введение в круг теоретических проблем, связанных с поиском объективного алгоритма рыночной трансформации и формированием идеологии реформирования на принципах конструктивного либерализма.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Кейнс Дж.М.* Общая теория занятости, процента и денег. М., 1978.
2. *Аукуционек С.* Бартер в российской промышленности // Вопросы экономики. 1998. №2.
3. Финансовые известия. 1997. 22 апреля.
4. Финансовые известия. 1998. 27 января.
5. *Евстигнеева Л.П., Евстигнеев Р.Н.* Финансовый капитал как системообразующий базис экономики // Общественные науки и современность. 1998. № 6.
6. Financial Conditions and Macroeconomic Performance. Essays in Honour of Hyman P. Minsky. Armonk-London, 1992.
7. Финансовые известия. 1998. 24 февраля.
8. *Гурьев А.* Очерк развития кредитных учреждений в России. СПб., 1904. С. 54.
9. *Сорос Дж.* Алхимия финансов. М., 1997. С. 156-158, 164, 171.
10. Российский статистический ежегодник, 1997. М., 1998. С. 334.
11. *Гайдар Е.* Аномалии экономического роста. М., 1997.
12. Россия в меняющемся мире. Институт экономического анализа. 1997. М., 1998.
13. *Волконский В.А., Гурвич Е.Т., Кузовкин А.И.* Ценовые и финансовые пропорции в российской экономике // Проблемы прогнозирования. 1997. № 3. С. 33.
14. Финансовые известия. 1998. 26 февраля.
15. Независимая газета. 1998. 10 ноября.
16. *Стиглиц Дж.* Многообразные инструменты, шире цели: движение к пост-Вашингтонскому консенсусу // Вопросы экономики. 1998. № 8.

© Л. Евстигнеева, Р. Евстигнеев, 1999